

ЖАН-ЖАК РУССО — ПРЕДВЕСТНИК РЕВОЛЮЦИИ

А. З. Манфред

Минуло более двухсот пятидесяти лет со дня рождения Жан-Жака Руссо.

Начало XVIII века... 1712 год. Время, когда еще царствовали Людовик XIV и Петр I, когда путь от Петербурга до Парижа — в карете или на перекладных — совершался долгие месяцы, когда еще не существовало точной карты американского континента и отважные путешественники искали путь к «Западному морю» — неведомому им Тихому океану, когда монаршие приказы, ученые трактаты и пространные письма еще писали гусиным пером. Сегодня это время кажется отодвинутым в глубокое прошлое, оно представляется такой же давностью, такой же стариной, как раннее глухое средневековье.

И все-таки далекий от нас французский писатель XVIII столетия, автор «Общественного договора», «Новой Элоизы», «Исповеди», «Прогулук одинокого мечтателя», живший чувствами и волнениями своего века, сумел перешагнуть свое время, и ныне, в век коммунизма и завоевания космоса, все еще переиздают его книги, спорят о его творениях и с уважением и благодарностью вспоминают имя «гражданина Женевской республики».

Произведения Руссо давно уже переведены на все языки мира; критическая литература, посвященная его творчеству, его идейному наследию, достигла огромных размеров. В зарубежной литературе указывалось, что по количеству критических работ, посвященных Руссо, он занимает наряду с Шекспиром и Гёте первое место в мировой литературе¹. Но разве «Новая Элоиза» или «Эмиль» как художественные произведения могут быть поставлены в один ряд с «Гамлетом» или «Фаустом»? Разве их можно сравнивать с бессмертными романами «Война и мир» или «Анна Каренина» Льва Толстого? Нет, конечно же.

Всемирный Совет Мира постановил отметить во всех странах годовщину рождения Жан-Жака Руссо. Затем такое же решение приняла ЮНЕСКО. Юбилей Руссо был широко отмечен во Франции, СССР, Швейцарии и других странах². Празднование двухсотпятидесятилетней годовщины со дня рождения Руссо превратилось в крупное идейно-политическое событие. До сих пор продолжается публикация статей и работ, связанных с этой годовщиной.

Но что определяло решение Всемирного Совета Мира? Почему эта авторитетная общественная организация призвала отметить годовщину рождения французского писателя XVIII века? Может быть, потому, что

¹ «Europe», № 391—392, 1961, novembre—décembre, p. 6.

² В Москве, в Институте истории АН СССР, в Обществе «СССР — Франция», в Союзе советских писателей состоялись заседания, посвященные 250-летию Руссо. В Раймоне, под Парижем, 28 июня — 3 июля 1962 г. состоялась международная встреча, посвященная теме «Руссо и современный человек». 29 ноября состоялось торжественное заседание памяти Руссо в Доме ЮНЕСКО в Париже. Заседания, посвященные Руссо, состоялись также во многих других странах.

Руссо тоже был, говоря словами наших дней, «сторонником мира», горячо осуждал войну и способствовал распространению сочинения аббата де Сен-Пьера, предлагавшего проект установления вечного мира? Споры нет, и этими чертами своей общественно-литературной деятельности, и искренностью своего осуждения войны, и горячностью своего желания способствовать искоренению зла Руссо остается близок нынешнему поколению людей доброй воли, воздающих ему должное за его усилия на этом благородном поприще. Руссо нам близок и дорог как один из убежденных противников войны, как искренний защитник мира. Но вместе с тем очевидно, что как ни понятны, как ни близки нам эти мысли и планы борьбы против войны (конечно, представляющиеся сегодня весьма наивными), Руссо живет в памяти человечества не только благодаря им.

Так в чем же сила воздействия Руссо на своих современников и на последующие поколения? В чем источник его неувядающей молодости, его духовной свежести, жизненности, сохранившейся в течение четверти тысячелетия до наших дней?

В Париже, на тихой улице де Севинье, в музее Карнавале, среди мрамора, бронзы, потемневших, ссохшихся красок холста, запечатлевших героев далекой эпохи: Мирабо, Робеспьера, Дантона, Демулена — друзей и врагов, невольно привлекает внимание небольшой, кажущийся чуть блеклым портрет. Это пастель, исполненная де Ла Туре. Под высоким, пышным белым париком красивое мужское лицо. Художник, видимо, хотел воссоздать образ Руссо в начале его пути — молодым и полным надежд. Он пытался его облагородить: на этом портрете Руссо кажется сильным, уверенным в себе человеком, принадлежащим к верхам, к господствующему классу. На его лице застыло выражение спокойствия, так не вяжущееся с мятежным духом «Исповеди». И все-таки художник сумел передать главное: за ясностью больших глаз под крутыми бровями, за неподвижностью сжатого крупного рта вы чувствуете какое-то смятение, какое-то движение мыслей или чувств, готовых вот-вот одушевить и преобразить это застывшее на мгновение лицо.

И верно, этот человек в белом парике, запечатленный де Ла Туре с таким невозмутимым выражением лица, прожил трудную, бездомную, неустроенную, скитальческую жизнь. Выходец из народа, гениальный самоучка, пешком постигавший географию Европы и познававший мир по мостовым его городов, неудачник, перепробовавший все профессии и занятия: ученика граверной мастерской, уличного бродяги, лакея, слушателя духовной семинарии, переписчика нот, секретаря у знатных господ, сочинителя опер, музыкального комментатора, стихотворца, философа, романиста, — он ни одной из них не мог обеспечить ни спокойствия, ни даже простого пристанища — крыши над головой. Даже когда к нему пришла известность, большая, европейская, мировая, и он стал истинным властителем дум поколений двадцатилетних, Руссо остался все тем же бездомным, гонимым и преследуемым скитальцем. Он никогда не испытал того огромного, всеобщего, позолоченного монаршими милостями признания, которым упивался его соперник и недруг Вольтер. Впрочем, для Руссо оно было бы и неприемлемым: его гордость плебея не позволяла мириться ни с августейшей лаской могущественных государей, ни с кошельком меценатов. Но он познал худшее: он подвергался не только преследованиям властей, гонениям церкви — его забрасывала камнями толпа в Мотье-Траве в 1765 г., когда он уже был прославленным автором знаменитых сочинений, и самые выдающиеся литераторы Просвещения, от Вольтера до Мельхиора Гримма, которые, казалось, должны были быть его соратниками и друзьями, преследовали его в ядовитых памфлетах.

И когда фернейского патриарха, явившегося в Париж в 1778 г.,

народ нес на руках как небожителя, сошедшего на землю³, другой великий писатель Франции — Жан-Жак Руссо, в том же, последнем году своей и Вольтера жизни, замечая следы от действительных или воображаемых преследователей, меняя пристанища, искал радости и отдохновения в «прогулках одинокого мечтателя».

Об этом следует сразу же напомнить, ибо здесь во многом объяснение того духовного отшельничества или социального пессимизма, которые действительно присущи творчеству Руссо и позднее многократно эксплуатировались в спекулятивных целях многочисленными изобретателями различных реакционных концепций, вплоть до нынешних поклонников «психоанализа» или экзистенциализма⁴. Следует признать, и от этого никуда не уйти, что писатель, ставший в своей посмертной славе идейным вдохновителем якобинцев, поднявших миллионные массы на революционную борьбу, был в своей реальной жизни индивидуалистом, одиночкой, отшельником. Перечитывая «Исповедь», еще раз видишь, что этот вдохновенный автор, заботившийся о нуждах и благе народа, с определенных пор сторонился людей, старался оставаться одним и одиноким. Что это, лицемерие? Или игра? Конечно же, ни то, ни другое. Мы сталкиваемся здесь лишь с одним из многих противоречий, которые присущи жизни и творчеству Жан-Жака Руссо.

В огромной литературе, посвященной идейно-литературному наследию Руссо, оно уже давно разобрано до мелочей. Со времени Геффдинга⁵ все подвергнуто тщательной классификации: философские взгляды Руссо, социально-политические, экономические, религиозные, педагогические, музыковедческие и т. д. На этой основе возникли специальные отрасли исследований, любая из которых насчитывает множество работ; некоторые взгляды Руссо, как, например, религиозные, по мотивам, о которых нетрудно догадаться, привлекают особое внимание известных кругов и стали темой многотомных сочинений⁶. Затем следовали более узкие монографические работы: Руссо и революция, Руссо и Мирабо, Руссо и Наполеон, Руссо и Берк, Руссо и Стриндберг, Руссо и Польша, Руссо и антропология⁷ и т. д. Все расчленено, анатомизировано, подвергнуто микроскопическому анализу.

Конечно, было бы неверным не видеть ряд ценных работ в этом бесчисленном потоке сочинений, посвященных французскому писателю XVIII века. Было бы неправильным недооценивать значение некоторых обобщающих трудов, посвященных Руссо, и вообще достижений «руссоведения». В этой связи должны быть вспомнены работа Н. Карелина⁸, содержательное исследование М. Н. Розанова⁹, интересная книга

³ Превосходный рассказ о торжествах по поводу последнего приезда Вольтера в Париж из его поместья Ферне (в Швейцарии) после долгого отсутствия см. у Д. И. Фонвизина, оказавшегося в ту пору во французской столице (Д. И. Фонвизин. Собр. соч. Т. 2. М. 1959, стр. 447—448, 469—471).

⁴ См., например, P. Burgelin. La Philosophie de l'existence de J. J. Rousseau. Paris. 1952.

⁵ R. Höffding. Rousseau und seine Philosophie. Stuttgart. 1905.

⁶ См. P. M. Masson. La Religion de J. J. Rousseau. 3 vol. Paris. 1916; A. Schinz. La pensée religieuse de Rousseau et ses récents interprètes. Paris. 1927; B. Ravary. Une conscience chrétienne devant la pensée religieuse de J. J. Rousseau. Paris. 1956, etc.

⁷ E. Champion. Rousseau et la Révolution française. Paris. 1909; Ch. Guyot. De Rousseau à Mirabeau. Neuchâtel-Paris. 1936; F.-G. Healey. Rousseau et Napoléon. Genève. 1957; A. M. Osborn. Rousseau and Burke. London. 1940; E. Poulenard. Strindberg et Rousseau. Paris. 1959; M. Szykowski. Myśl Jana Jakóba Rousseau w Polsce XVIII wieku. Kraków. 1913; J. Fabre. J. J. Rousseau et le destin polonais. «Europe», 1961, novembre — décembre, p. 206—227; Клод Леви-Страус. Руссо — отец антропологии. «Курьер ЮНЕСКО», март 1963, № 3, стр. 10—14.

⁸ Н. Карелин. Ж.-Ж. Руссо. Опыт характеристики его общественных идей. СПб. 1894.

⁹ М. Н. Розанов. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. Т. 1. М. 1910.

Веры Засулич¹⁰, яркий синтетический очерк идей и творчества Руссо Генриетты Роланд-Гольст¹¹. Несомненную ценность представляют многие конкретные исследования и этюды, публикуемые в выходящих с 1905 г. трудах Женевского общества Жан-Жака Руссо¹², ряд монографических работ современных зарубежных ученых, среди которых в первую очередь должны быть названы труды Даниэля Морне¹³.

И все-таки вопрос, поставленный выше: как же смог этот так трудно проживший свою жизнь человек, мечтатель, отшельник, индивидуалист, как мог он оказать такое могучее и благородное воздействие на молодые поросли людей, вступающих в жизнь,— все еще ждет своего объяснения.

Этот вопрос отнюдь не нов. Еще полвека назад, когда в 1912 г. отмечался двухсотлетний юбилей Руссо, тот же вопрос, лишь несколько иначе сформулированный, вставал перед исследователями и публицистами, касавшимися этой темы.

«Жан-Жак Руссо принадлежит к числу самых замечательных представителей французской литературы XVIII в. Он — гениальный писатель. В этом согласны между собой все, и это еще раз повторено было на разные лады по случаю его двухсотлетнего юбилея. Но в чем же собственно выразилась его гениальность?» — спрашивал Г. В. Плеханов в статье, опубликованной в 1912 г. в журнале «Современник»¹⁴. И он напоминал, что именно с этого вопроса начиналась область разногласий.

В основном, в широкой постановке ответ на этот вопрос был дан марксистской мыслью. В высокой оценке К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным французского Просвещения XVIII в. заключается и определение самого главного в идейном наследии Руссо. Известны и прямые отзывы творцов научного социализма о Руссо, о стихийной диалектике его исторического мышления, об общественно-прогрессивном значении выдвигавшихся им социально-политических требований¹⁵.

В идейных сражениях с реакционной идеологией марксистская критика опровергла всякого рода «теории», представлявшие Руссо зачинателем религиозно-мистического начала или писателем, ценным лишь блеском литературного стиля, но не своими общественными воззрениями. Марксистская критика доказала неоспоримые заслуги Жан-Жака Руссо как выдающегося представителя левого, демократического крыла Просвещения, как великого поборника идеи равенства, народовластия, непримиримого врага не только феодального гнета, но и всякой социальной несправедливости.

Еще Г. В. Плеханов в упомянутой статье к двухсотлетию Руссо превосходно показал, что основная ценность идейного наследия великого французского писателя XVIII столетия заключается в его общественно-политических взглядах. Уделяя наибольшее внимание историческим взглядам автора «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Общественного договора», Г. В. Плеханов утверждал, что «в своем объяснении процесса развития человеческой культуры Руссо выступает как один из самых замечательных

¹⁰ В. И. Засулич. Жан-Жак Руссо. М. 1923.

¹¹ Г. Роланд-Гольст. Жан-Жак Руссо. (Перевод с немецкого). М. 1923.

¹² «Annales de la Société J. J. Rousseau». Genève. С небольшими перерывами сборник продолжает выходить до настоящего времени.

¹³ D. Mornet. Les origines intellectuelles de la Révolution française (1715—1787). 4 ed. Paris. 1947; e jus d. Rousseau, l'homme et l'oeuvre. Paris. 1950, etc.

¹⁴ Г. В. Плеханов. Жан-Жак Руссо и его учение о происхождении неравенства между людьми. «Современник», сентябрь 1912 г. (Перепечатано в «Сочинениях». Т. XVIII. М. 1925).

¹⁵ Здесь следует прежде всего вспомнить весьма высокую оценку Руссо и его места в развитии общественной мысли, данную Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге».

предшественников Маркса и Энгельса»¹⁶. В то же время Плеханов обоснованно придавал большое значение трактовке Жан-Жаком Руссо проблемы равенства.

Глубокую характеристику социально-политических взглядов Руссо и его места в развитии французской общественной мысли XVIII в. дал В. П. Волгин¹⁷. Большой заслугой В. П. Волгина была научная разработка понятия эгалитаризма, которое он обосновал, в значительной мере опираясь на взгляды Руссо. Отмечая всю противоречивость идейного наследия Руссо, В. П. Волгин в целом определял его как крупнейшего представителя эгалитаризма в общественной мысли предреволюционной Франции.

Говоря о других работах советских авторов, посвященных творчеству Руссо, нельзя не отметить интересную книгу И. Е. Верцмана, характеризующую по преимуществу художественное наследие писателя¹⁸, и содержательную работу Б. М. Бернардинера о социально-политических взглядах Руссо¹⁹.

В связи с последней следует высказать одно общее соображение. Книга Б. М. Бернардинера, вышедшая более двадцати лет тому назад, в целом, несомненно, сыграла полезную роль. Но она не свободна от недостатка, который в какой-то мере присущ и некоторым другим работам, касающимся более или менее подробно общественных взглядов Руссо. Б. М. Бернардинер одну из подглав своей книги озаглавил так: «Руссо — идеолог мелкой буржуазии XVIII века». В тексте он уточняет: «Политические взгляды Жан-Жака Руссо отражали установки городской мелкой буржуазии XVIII века: кустарей, ремесленников, владельцев небольших мастерских»²⁰. Мысль эта, многократно подчеркиваемая в книге, вызывает возражения по существу. Ужели же эгалитаристская программа Руссо, его демократические идеи отражали только «установки» кустарей, ремесленников, владельцев небольших мастерских? А многомиллионное крестьянство? А весь французский народ? Разве они были далеки, чужды поборнику идеи народного суверенитета и уравниения собственности? Автор обосновывает свой тезис также и ссылками на биографию Руссо, на то, что он родился в семье часовщика. Но уместны ли эти ссылки на анкетные данные? Нельзя не напомнить в этой связи, что еще более полувека тому назад В. И. Ленин в своих статьях о Льве Толстом блестяще доказал несостоятельность подобного метода, которым и ныне увлекаются некоторые исследователи. В. И. Ленин рассматривал творчество Л. Толстого, графа Толстого, как отражение настроений русского крестьянства предреволюционной эпохи²¹. Это навязчивое стремление педантично определить социальный «паспорт» мыслителя, приписав его к «идеологам ремесленников и кустарей», было лишь пережитком давней болезни вульгарного социологизма. Конечно же, великий французский мыслитель был выразителем не «установок» городских ремесленников, кустарей и владельцев небольших мастерских, а чаяний всего французского народа (то есть многомиллионного крестьянства, плебейства и других угнетенных общественных групп), поднимавшегося на борьбу против душившего его феодального строя.

Но вернемся к поставленному вопросу: что же все-таки в идейном наследии Руссо является наиболее ценным?

Идейно-литературное наследие Руссо обширно и многосторонне.

¹⁶ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XVIII, стр. 12.

¹⁷ В. П. Волгин. История социалистических идей. Ч. II. М. 1923; его же. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М. 1958.

¹⁸ И. Е. Верцман. Жан-Жак Руссо. М. 1958.

¹⁹ Б. М. Бернардинер. Социально-политическая философия Жан-Жака Руссо. Воронеж, 1940.

²⁰ Там же, стр. 19.

²¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 19—24, 38—41, 70—71, 100—104.

«Гражданин Женевской республики» был человеком больших дарований и очень широкого диапазона интересов. Он принес немало нового и оригинального и в общественно-политическую теорию, и в художественную литературу, и в педагогическую мысль, и в историю музыки, и даже в ботанику и естествознание в целом.

Но для передовых людей своего времени, для революционеров-демократов конца XVIII и XIX вв., для борцов за социализм и строителей коммунистического общества нынешнего, XX столетия Жан-Жак Руссо был и остается прежде всего автором «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Общественного договора», смелым и дерзновенным мыслителем, шедшим впереди своего века, сделавшим больше, чем кто-либо другой из представителей французского Просвещения, для идеологической подготовки революции.

Известно, что в знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, оказавшей такое могучее влияние на общественную мысль второй половины XVIII в., статья «Egalité» («Равенство») — одна из программных статей «Энциклопедии» — была написана не Руссо, а весьма плодовитым, но довольно посредственным литератором Жокуром²². Руссо отнюдь не был единственным или даже наиболее авторитетным автором либо истолкователем требования равенства — самого популярного и самого революционного лозунга той эпохи. О равенстве писали — больше или меньше, ярче или суше — почти все писатели Просвещения. В знаменитой триединой формуле Великой французской буржуазной революции «Свобода, равенство, братство» именно равенство было коренным требованием эпохи. Обходить его не мог ни один писатель, разделявший «вольнолюбивые мечты» своего века. Литератора, пренебрегавшего требованием равенства, попросту не стали бы читать; он был бы вычеркнут из числа передовых писателей своего времени.

И все-таки Энгельс был, конечно, верен исторической правде, когда, раскрывая роль идеи равенства в эпоху Великой французской буржуазной революции, связывал эту идею с именем Жан-Жака Руссо²³. Из всех писателей французского Просвещения именно Руссо дал самое глубокое и самое революционное (для того времени) истолкование понятия равенства.

Нельзя забывать, что требование равенства, как и требование свободы, столь часто и столь горячо повторяемые в те бурные предреволюционные годы, вовсе не означали одно и то же в устах разных представителей очень широкого и классово неоднородного третьего сословия. Очевидно, что для графа Мирабо и маркиза Лафайета — аристократов, примкнувших к буржуазной оппозиции, а затем к революции, чтобы стать ее вождями, для провинциального адвоката Максимилиана Робеспьера и для нищего священника из плебейских приходо́в Жака Ру понятия свободы и равенства, о которых каждый из них много и охотно говорил, имели совершенно разное содержание. Здесь были по меньшей мере три концепции. Для крупной буржуазии, для аристократии денежного мешка свобода и равенство означали прежде всего уничтожение сословных привилегий и юридического неравенства, уравнение в правах буржуазии, денежной знати с родовой знатью. Для крестьянства, плебейства, для народа свобода и равенство означали, конечно, гораздо большее: не только уничтожение юридического неравенства, но и освобождение от феодального гнета и уничтожение или, вернее, смягчение социального неравенства.

Жан-Жак Руссо в своем истолковании требования равенства всегда имел в виду не формальное равенство, не юридическое, в смысле уничто-

²² См. «Textes choisis de l'Encyclopédie». Paris, 1962, p. 84—87.

²³ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М. 1932, стр. 72 и сл.

жения сословной иерархии и уравнивания мужчин²⁴ в гражданских правах, а равенство социальное. Это было органически связано с его пониманием происхождения неравенства между людьми.

Здесь нельзя не привести столько раз цитировавшийся отрывок из знаменитого произведения Руссо «О причинах неравенства людей»: «Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: «Это мое», и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля — никому!»²⁵. Такого глубокого и такого революционного по самой своей сути объяснения происхождения социального неравенства не давал ни один из писателей Просвещения.

Но Руссо, столь ярко показавший пагубные последствия возникновения института частной собственности, не делал, как известно, из этого социалистических выводов. Он никогда не был социалистом и не требовал уничтожения частной собственности вообще. Напротив, рисуя те бедствия, которые навлекло на человечество возникновение частной собственности, Руссо вместе с тем, как это видно из всех его сочинений, всегда оставался на почве частной собственности. Он считал, что на достигнутой человеческим обществом ступени развития частная собственность является уже неизбежной и неустранимой. Более того, Руссо признавал право собственности «самым священным из всех прав граждан»²⁶. В литературе не раз справедливо отмечалось влияние идей Руссо на «Декларацию прав человека и гражданина» 1789 года²⁷. В рассматриваемой связи нельзя не заметить, что известная статья 17-я Декларации, признающая право собственности священным и непререкаемым, почти буквально повторяет формулу Руссо. Но для правильного, исторического понимания значения, общественного смысла этой формулы в тот период, во второй половине XVIII в., следует признать, что это подчеркнуто буржуазное отношение к собственности содержало тогда и элемент прогрессивного. Право частной собственности противопоставлялось феодальной собственности. И формула Руссо и соответственно 17-я статья Декларации имели в значительной мере антифеодальную направленность.

Критикуя социальное неравенство и в то же время оставаясь на почве частной собственности, Руссо должен был найти какое-то разрешение этого противоречия, какую-то положительную программу, которая могла бы стать и идеалом и конкретной целью стремлений миллионов поработанных феодальным гнетом людей. Такую положительную программу, такой общественный идеал Руссо нашел в уравнивании собственности, в смягчении и устранении крайнего неравенства состояний.

Дозвук равенства в устах Руссо — это призыв к уравнительству. Знаменитый французский философ выступал как непримиримый враг богатства. В крупной собственности он видит источник неисчислимых бедствий. В споре между богатым и бедным Руссо всегда на стороне последнего.

Руссо разоблачает, дискредитирует богатство этически. Богатство — несправедливо, оно — зло, и поэтому оно дурно. Богатый приносит зло бедному; он распространяет несчастье. Но достаточно лишь вдуматься

²⁴ В то время даже самые радикальные политические деятели считали полностью исключенным вопрос о предоставлении политических или иных прав женщинам.

²⁵ Ж.-Ж. Руссо. Причины неравенства среди людей. СПб. 1907, стр. 68.

²⁶ J. J. Rousseau. Oeuvres complètes. T. I. Paris. 1887, p. 309.

²⁷ См. Ж. Жорес. История Великой французской революции. Т. 1. М. 1920; М. Н. Розанов. Указ. соч. Что касается Декларации и Конституции 1793 г., то влияние идей Руссо на эти документы столь бесспорно, что нет нужды об этом говорить.

в эти мысли, достаточно понять эти чувства, чтобы убедиться в том, что за этическими категориями скрываются политические. Огромная притягательная сила сочинений Руссо в предреволюционной Франции XVIII в. заключалась в том, что он не только критиковал богатство, крупную собственность (феодалную или буржуазную) как несправедливую, неправедную, но и призывал к ее устранению, к уравниванию состояний, к созданию относительного равенства состояний, к созданию идеального, с его точки зрения, общества мелких собственников.

Мы не будем здесь рассматривать те практические меры (налог на наследство, налог на предметы роскоши, подоходный налог, изменения в циркуляции денег и пр.), которые Руссо — несистематично, сбивчиво, чаще всего противоречиво — предлагал в своих сочинениях²⁸. Пути практического осуществления нарисованного им идеального общественного строя мало занимали Руссо. Почти все, что им написано об этом предмете (как достичь идеального царства равенства), отрывочно, как бы случайно и отнюдь не представляется продуманной, строго взвешенной системой конкретных предложений. Это связано, может быть, с тем, что волевое, действенное начало в его сочинениях (особенно общественно-политических) большей частью оставалось притупленным. Руссо прямо не призывал к действию. Действие чаще всего является лишь логическим выводом из хода его рассуждений.

Если обращаться только к букве письма Руссо, к текстам его литературного наследия, то примерно то же самое должно быть сказано и о главном вопросе: мирным или насильственным, революционным путем должна быть проложена дорога в этот лучший, более справедливый мир равенства?

Руссо нигде определенно не отвечает на этот вопрос; он его даже сам и не ставит, но этот вопрос, конечно, ставят читатели произведений Руссо. Однако из сказанного не следует, что Руссо обходил вопрос о революции, потому что боялся его. Как известно, Руссо не раз касался вопросов революции. Он утверждал, что революция является столь же целебной для гражданского общества, как кризис для излечения больного; он заявлял, что, когда правительство узурпирует суверенитет народа, граждане не обязаны более повиноваться властям²⁹. Это значит, что Руссо вполне определенно признавал право народа на революцию, признавал не только ее законность, но и полезность.

Однако достаточно сравнить, скажем, «Общественный договор» Жан-Жака Руссо с «Цепями рабства» Жан-Поля Марата, написанными 10—12 лет спустя³⁰, чтобы сразу стало ясно различие между ними. Марат в своем сочинении не только признает право народа на революцию, но и разбирает конкретные вопросы революции. Вооруженное восстание, необходимость сплочения сил народа, доведения вооруженной борьбы до победного конца и т. п. рассматриваются Маратом как практические задачи народа в революции. Вопросы революции в интерпретации Марата, младшего современника Руссо, были уже не отвлеченной абстракцией, не умозрительной гипотезой — они обрели плоть и кровь.

Марат, конечно, во многом ушел дальше Руссо. Надо также принять во внимание, что его сочинение было впервые опубликовано за 15 лет до революции, когда классовые противоречия и политическая атмосфера во Франции уже достигли крайнего накала, и что сам Марат представлял более молодое, следующее за Руссо поколение. И все-таки нельзя забывать, что Марат в этом своем произведении (и во многих других) вы-

²⁸ См. В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. Глава о Руссо; Б. М. Бернардинер. Указ. соч., стр. 77—85.

²⁹ См. J. J. Rousseau. Du contract sociale. Paris. 1955, p. 102—103.

³⁰ Первое издание «Цепей рабства», вышедшее анонимно, появилось в 1774 г., то есть при жизни Руссо.

ступал как ученик Руссо. Правда, ученик не был простым подражателем, он превзошел в трактовке революции своего учителя; в некоторых вопросах он уже сказал и еще позже скажет новое слово. И вместе с тем остается бесспорным, что свои главные революционные идеи Марат развивал, отправляясь от социально-политических воззрений Руссо; философия «гражданина Женевской республики» дала ему первый революционный заряд.

Учение Руссо о равенстве, независимо от того, говорил ли он прямо о революции или вовсе не касался ее, было революционным по самой своей сути. Эгалитаристская программа Руссо в стране, где господствовал жестокий феодальный гнет и сохранялись феодальные права на землю, объективно выражала прежде всего требования обездоленного и угнетенного многомиллионного крестьянства. Конечно, надежды крестьянства, связываемые с идеей уравниательства, надежды на искоренение нужды и эксплуатации были утопией; «уравнение» собственности означало бы в конечном счете лишь расчистку путей для развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но, как учил В. И. Ленин, в то же время «идея равенства — самая революционная идея в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности»³¹.

В предреволюционной Франции XVIII в. идея равенства в интерпретации Руссо имела глубоко революционное содержание. То, что не досказывал автор, договаривали его читатели. Из незавершенных или недостаточно ясно выраженных мыслей Руссо они делали логические революционные выводы. Идея равенства Руссо пробуждала умы и сердца, поднимала людей на борьбу против реакционного, несправедливого феодального строя.

Не случайно поэтому общественно-политические взгляды Руссо, прежде всего его эгалитаристская программа и идеи народного суверенитета, стали своего рода политическими скрижалями Великой французской буржуазной революции. Не только Мерсье, уже в 1791 г. издавший сочинение о Руссо как «первом творце революции»³², но и великие вожди революции Максимилиан Робеспьер, Жан-Поль Марат называли его своим учителем, великим апостолом свободы и равенства.

Политическое мышление Руссо было революционным по самой своей сути. Ф. Энгельс восхищался замечательной диалектикой общественных идей, исторической концепции Жан-Жака Руссо. Пожалуй, никого другого из мыслителей XVIII в. Энгельс не ставил так высоко по силе диалектического мышления, как автора «Происхождения неравенства» и «Общественного договора». Несомненно, стихийная диалектика политической мысли Руссо оказывала сама по себе революционизирующее воздействие на его читателей.

Но, говоря о революционном характере общественно-политической мысли Руссо, я имею в виду не только ее диалектику. Руссо была присуща полная свобода от всякой фетишизации принятых передовой просветительской мыслью общественных законов, от мнений, возведенных в абсолюты. Интересы народа, благо народа оставались для Руссо всегда той главной целью, которую он ставил выше любых других общественно-прогрессивных задач. Если интересы народа приходили в столкновение с, казалось бы, непререкаемыми, бесспорными положениями общественно-прогрессивной мысли, Руссо без колебаний становился на защиту народа и готов был критически переоценить то, что вчера и ему

³¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 214.

³² S. Mercier. De J. J. Rousseau considéré comme un des premiers auteurs de la révolution. Paris. 1791.

самому представлялось несомненным. Лучше всего это можно подтвердить на одном частном, но весьма важном примере.

В «Общественном договоре» Руссо дал наиболее полное изложение своих общественных взглядов и политических идеалов. Именно в этом произведении он с замечательной силой убежденности развернул глубокую аргументацию в пользу республиканского демократического строя. Он был искренним поборником демократии и лучше, чем кто-либо другой из его современников и предшественников, сумел доказать великие преимущества и блага излюбленного им строя народоправства. Позднее все самое передовое демократическое законодательство, все передовые демократические идеи Великой французской буржуазной революции черпали вдохновение и имели в конечном счете своим источником «Общественный договор» Жан-Жака Руссо.

Но замечательно, что в этом сочинении, ставшем своего рода евангелием для демократов французской революции, Руссо за тридцать лет до установления железной власти Комитета общественного спасения смог теоретически предвосхитить, обосновать и оправдать режим революционно-демократической диктатуры. В IV книге «Общественного договора» Руссо ввел специальную, шестую главу, которую он озаглавил «О диктатуре»³³. Сама идея диктатуры, как известно, не была открытием французского писателя. Руссо ссылается на исторический опыт Рима. Замечательно другое — гениальное провидение Руссо. В сочинении, доказывавшем необходимость обеспечения наиболее полного выражения общей воли народа, Руссо считал необходимым предусмотреть возможность временного ограничения нормального действия законов и создания режима чрезвычайной власти. В тех случаях, указывал Руссо, когда для государства возникает крайняя опасность и действующие законы не обеспечивают ее предотвращения, интересы спасения общества требуют установления диктатуры, которая «заставит смолкнуть все законы и приостанавливает на время деятельность верховной власти»³⁴.

Так самый убежденный поборник демократии смог прийти к пониманию необходимости временного ограничения ее в определенных условиях и замены ее более авторитарной формой организации власти, защищающей интересы народа, — диктатурой. Только удивительная сила революционного мышления Руссо могла подсказать ему такое смелое решение вопроса о соотношении демократии и диктатуры, вдохновив его в 60-х годах XVIII в., в глухое время Людовика XV, на гениальное прозрение будущего.

Все это так. Но ведь давно уже было замечено, что при жизни Руссо его общественно-политические сочинения, и в частности его «Общественный договор», производили на современников значительно меньшее впечатление, чем его художественные произведения. Для поколения европейцев, живших двести лет тому назад, Жан-Жак Руссо был прежде всего автором «Эмилия» и «Новой Элоизы». «Общественный договор» прочитали, в сущности, заново во время революции, на ее высшем этапе, в 1793 году. Когда якобинцы, подталкиваемые инициативой народных масс, логикой самой ожесточенной, доведенной до лезвия гильотины классовой борьбы, стали вслепую, ощупью создавать революционно-демократическую диктатуру, они вдруг обнаружили, что их революционный опыт был предвосхищен в идеях народного суверенитета и равенства, в формулированной еще в самой общей и отвлеченной форме идее диктатуры «великого Жан-Жака». «Общественный договор» был понят и осмыслен по-новому лишь в дни якобинской диктатуры или в ближайшие месяцы, предшествовавшие ей.

³³ J. J. Rousseau. Du contrat social, p. 190—194.

³⁴ Ibid., p. 190—193.

Но ведь и Робеспьер и Марат, с гордостью называвшие себя учениками Руссо, знали его творения, преклонялись перед ними и принимали их все без изъятия задолго до того, как им раскрылся сокровенный смысл «Общественного договора». Иными словами, это значит, что они были руссоистами еще до революции и идеи Руссо в какой-то мере подготовили их к той великой роли, которую им было суждено сыграть несколькими годами позже.

Громадное революционизирующее воздействие Руссо на людей его времени отнюдь не ограничивалось его собственно политическими или философско-политическими трактатами, на которых обычно сосредоточивается внимание исследователей. Когда речь идет о влиянии Руссо на современников, об источниках его громадной популярности, то было бы ошибкой искусственно отделять его художественные произведения от философско-политических или даже оказывать предпочтение последним. В действительности все они представляют, на мой взгляд, по крайней мере в том аспекте, о котором идет речь, одно неразрывное целое³⁵.

Здесь нужна еще одна оговорка. Уже давно стала триумфом мысль о противоречивости мировоззрения, системы взглядов, творчества Руссо. Эту противоречивость, понятно, нет нужды ни сглаживать, ни преуменьшать. Последствием противоречивости творчества Руссо была и остается та идейная борьба, которая идет за его наследие. Еще в ту пору, когда могила Руссо лишь начала прорастать травой, возникли споры, сначала спокойные, а затем ставшие столь непримиримыми, что их решал эшафот, между жирондистами и якобинцами. И те и другие апеллировали к «апостолу равенства», называли его своим³⁶. Не вдаваясь в объяснения, скажем сразу, что в этих спорах истина была на стороне якобинцев и, конечно, они, а не жирондисты, были подлинными истолкователями и последователями Руссо, ушедшими, правда, много дальше своего учителя.

В дальнейшем противоречивость творчества Руссо не раз давала повод идейно-реакционным силам ухватываться за те или иные неясные или двусмысленные его речи с тем, чтобы их истолковывать на свой лад. Но это всегда было передержкой, насильственной и ложной интерпретацией, когда второстепенное или неверно понятое выдавалось за главное.

Второстепенное в творчестве Руссо не должно приниматься во внимание. Речь идет о главном, об определяющем в его наследии.

Руссо жил и творил в критическую эпоху, в переломное время перехода от одной общественной формации к другой, от феодализма к капитализму. Он жил в годы вызревания великой революции, когда накал классовых противоречий достиг такого напряжения, что уже был неизбежен революционный взрыв.

Конечно, Руссо отнюдь не был единственным выразителем передовых тенденций той критической эпохи. Ее представляло блестящее созвездие ярких талантов писателей Просвещения. Но среди них Руссо был не только самым крупным представителем левого крыла, он был единственным из общественных мыслителей, сумевшим в такой мере оценить и понять значение народа. Руссо принадлежат знаменательные слова: «Род человеческий состоит из народа... То, что не народ, так незначительно, что его не стоит считать»³⁷. Никто, кроме автора «Эмиля», не произнес тогда таких слов и даже не смог приблизиться к подобному пониманию роли народа в общественном процессе.

³⁵ Кстати сказать, сам Руссо указывал на тесную идейную связь между его художественными и политическими произведениями (J. J. Rousseau. Les confessions. T. II. Paris. 1956, p. 94).

³⁶ Напомним здесь хотя бы восторженные суждения о Руссо Манон Ролан. См. «Lettres de Madame Roland». Publiées par Cl. Perroud, t. 1, 2. Paris. 1900—1902.

³⁷ Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или О воспитании. СПб. 1912, стр. 214.

Дар гениального прозрения и близость к народу, который Руссо, конечно, знал и понимал неизмеримо лучше, чем Вольтер или барон Гольбах, или даже автор коммунистических утопических теорий аббат Габриель де Бонно де Мабли, позволили ему увидеть и понять великую животворящую силу народа. И эта духовная близость к народу, эта способность расслышать и воспринять не высказанные вслух, не выраженные словами, самые глубокие и жизненные жалобы и требования народа позволили Руссо стать в большей мере, чем кто-либо другой, и в своем художественном творчестве и в своей общественной теории выразителем пробуждающегося, поднимающегося на борьбу народа.

Нетрудно найти в литературе Просвещения или, если брать шире, во французской общественной мысли XVIII в. писателей, которых по их политическим или социальным взглядам можно определить как стоящих левее Руссо. Последний вовсе не являлся самым левым общественным мыслителем своего времени. Выше уже указывалось на различие в отношении к революции Руссо и Марата; они были современниками, хотя и представляли разные поколения, и Марат, говоря несколько схематично, был гораздо более революционным писателем, чем Руссо. Но сопоставим Руссо с Морелли и Мабли, которые были, как известно, коммунистами-утопистами. В. П. Волгин давно уже превосходно доказал и обосновал существо утопистско-коммунистических взглядов Морелли и Мабли. Руссо же всегда оставался чужд коммунистическим воззрениям. Казалось бы, вопрос ясен. Придерживаясь прочно установившейся классификации, следовало бы коммунистов-утопистов Морелли и Мабли поставить левее Руссо и считать их наиболее левым крылом французского Просвещения.

Ну а как быть с таким реальным фактом, что сторонник коммунистических идей Мабли в анонимном пасквиле атаковывал *справа*, с политически правых позиций Жан-Жака Руссо и называл его сочинения «воплями разнузданного демагога»³⁸? Как согласовать этот факт с упрощенной схемой размещения политических писателей по определенным признакам *справа* налево?

Далее. Нельзя не задуматься также над тем, что когда от слов перешли к делу, когда настала революция и ее судьбу определили миллионы простых людей, взявшихся за оружие, то идейным учителем этих масс, учителем революции стал не Морелли и не Мабли, а так и не дошедший до их коммунистических взглядов Жан-Жак Руссо. Все это должно лишь убедить в том, что простой схематической классификацией многого нельзя объяснить в историческом процессе и что значение и роль Руссо не могут быть определены простой меркой: правее или левее кого он стоит.

Руссо всем своим творчеством не только выражал, но и защищал интересы народа. Этого нелюдимого скитальца, недоверчивого отшельника, одинокого мечтателя, каким он представлялся современникам все последние годы его большой славы, занимали заботы не о личном преуспевании — он оставался к нему равнодушен и всегда стремился быть «другом бедности», — его воодушевляли высокие мысли о судьбе, о правах, о будущем народа. Для него политика и философия, литература и наука всегда должны были служить этой великой цели, в которой и была заключена вся правда.

Уже в первом своем произведении — философско-политическом трактате «О влиянии наук на нравы» — Руссо ясно определил значение искусства и литературы в общественной борьбе, составлявшей содержание эпохи. «В то время как правительство и законы охраняют общественную безопасность и благосостояние граждан, науки, литература и искусство — менее деспотичные, но, быть может, более могуществен-

³⁸ См. J. J. Rousseau. Les confessions. T. II, pp. 276—277.

ные — обвивают гирляндами цветов сковывающие людей железные цепи...»³⁹.

Он, Руссо, не хотел «обвивать гирляндами цветов» железные цепи деспотизма, «цепи рабства», как скажет позднее его продолжатель Марат. Руссо совершил великий акт гражданственности, отказавшись, уже достигнув громадной известности, от предлагаемых ему соблазнов легкой жизни модного профессионального писателя. Деньгам, богатству, шумной славе он предпочел независимость убеждений. Он отверг все лестные предложения и избрал для себя утомительный и крайне скромно оплачиваемый труд переписчика нот. Многим позже в «Исповеди» он написал об этом с присущей этому произведению поразительной прямоотой: «Ничего могучего, ничего великого не может выйти из-под продажного пера... Слишком трудно мыслить благородно, когда мыслишь для того, чтобы жить. Чтобы быть в состоянии, чтобы иметь смелость говорить великие истины, надо быть не зависимым от успеха»⁴⁰.

Руссо, следовательно, сознательно ставил перед литературой и искусством те же самые цели — служение народу, истине, так, как он ее понимал, — которых он добивался в своих общественно-политических выступлениях и в своей жизни. Дело у него не расхлослось со словом. Его отказ от профессионального писательства, уход из столицы, сознательное самоограничение скромной ролью неприметного, бедного переписчика нот не были только фактами его личной биографии. Они имели большее, принципиальное значение. Это было средством удержания определенных позиций в литературе, философии и политической борьбе, оставшихся, по мысли Руссо, неразделимыми. Избранный им образ жизни давал ему наилучшие возможности отстаивать то, что он считал наиболее важным и для искусства, и для литературы, и для политики, и для философии, — отстаивать правду.

Руссо критиковал современную ему французскую литературу за то, что она искажает правду, а это искажение он видел прежде всего в том, что литераторы обходят, «не замечают» главного действующего лица живой действительности — народа. «Можно подумать, что Франция населена одними графами да шевалье; чем хуже, чем беднее живет народ, тем с большим блеском и великолепием изображается картина народной жизни» — возмущался Сен-Пре, любимый герой Руссо, современной ему французской литературой⁴¹.

Но успех литературных произведений самого Руссо объяснялся не только или, вернее, не столько тем, что его положительными героями были чаще всего люди из третьего сословия. Он не определялся также и тем, что писатель стремился в своих романах, как и в трактатах, быть прежде всего правдивым, хотя и это, конечно, имело очень большое значение. Самым правдивым произведением Руссо была «Исповедь», но не она произвела наибольшее впечатление на современников. Книгой, потрясшей современников, была «Новая Элоиза». Ее успех у читателей был исключительным, беспрецедентным. Со времени ее первого издания, в Амстердаме в 1761 г., до конца века она была переиздана свыше 70 раз. Ни одно другое произведение блестящей французской литературы XVIII в. не имело подобного ошеломляющего общественного признания. Уже само по себе это было крупным событием, требующим объяснения.

Так в чем же было дело? В чем заключалась причина успеха этого длинного, почти в восемьсот страниц, многословного, написанного по манере века в письмах, бедного действием романа? Разгадку, как мне думается, нужно искать не в самом сюжете романа, не в печальной истории неудачной любви, даже не в стиле письма или литературных

³⁹ Ж.-Ж. Руссо. О влиянии наук на нравы. СПб. 1908, стр. 25.

⁴⁰ Ж.-Ж. Руссо. Избранные сочинения. Т. III. М. 1961, стр. 350, 351.

⁴¹ Ж.-Ж. Руссо. Избранные сочинения. Т. II. М. 1961, стр. 207.

средствах изображения этой почти тривиальной повести двух любящих, но разлученных сердец. Мне думается также, что не картины общественных отношений, которые изображаются как положительный идеал по ходу действия романа, привлекли к нему внимание читателей. Разгадка поразительного успеха «Новой Элоизы» у читателей конца XVIII в. заключается в том, что этот роман, как ни одно другое произведение того времени, передавал ощущения, предвосхищение приближавшейся революционной поры. Руссо с удивительной тонкостью передавал общественную атмосферу предреволюционного кризиса, он уловил и воспроизвел на страницах своих произведений, и прежде всего в «Новой Элоизе», живительный ветер надвигающейся революционной грозы.

М. Н. Розанов когда-то сделал наблюдение, что в произведениях Руссо чаще всего говорится о химерах⁴². С этим нельзя согласиться. Прочтите заново «Новую Элоизу», и вы сразу же обратите внимание на то слово, которое постоянно, чуть ли не во всех письмах повторяется его героями. Это слово — смятение. «Убедитесь, в каком я смятении...», — пишет Сен-Пре в начале первого же письма к Юлии⁴³. Она пишет ему о «смятении сердца», о «смятении души», он признается ей в «смятении чувств». И это чувство смятенности, которым охвачены все главные действующие лица романа, которым он весь овеян, отражает не только трагедию личных судеб героев: читатели почувствовали в нем большее — дух эпохи, общественные настроения предреволюционного времени. Это был дух смятения, который волновал всю молодую, передовую Францию, шедшую навстречу революционным бурям.

Личная трагедия Сен-Пре и Юлии неизбежно должна была восприниматься не в узком, не в камерном плане, а гораздо шире. Это был роман неудовлетворенности. Все его герои — Юлия, Сен-Пре, Клара, Вольмар, их английский друг — по разным причинам и мотивам испытывают горькое чувство разочарования и неудовлетворенности. Частные случаи перерастали в обобщение. Все неудовлетворены в этом обществе. Лучшие люди в этом мире становятся несчастными. Таков общий итог «Новой Элоизы». Но замечательная сила романа заключалась в том, что в нем не было примиренности, с несчастьями и несправедливостями мира. Завершив роман трагической гибелью Юлии и ее предсмертными горестными признаниями, автор тем самым предостерегал от попыток приспособиться к обстоятельствам, отказываясь от борьбы.

Пишут о сентиментализме Руссо, о том, что «Новая Элоиза» стала своего рода классическим образцом сентиментализма. Да, Руссо, при его многогранности и противоречивости, порою присущи и чувствительность и меланхолизм. И все-таки нельзя не видеть, что не это является главным в его творчестве.

Сен-Пре говорит: «Я нахожу также, что желание изучать общество в роли простого зрителя безрассудно... Действия других видишь только тогда, когда действуешь сам...»⁴⁴. Это не сентенция созерцателя, вздыхающего над несовершенством мира. Это призыв к действительности, признание необходимости не только изучать мир, но и изменить его.

«Новая Элоиза» — роман чувств. Кто станет против этого возражать? А «Эмиль»? А «Прогулки одинокого мечтателя»? А большинство других литературных произведений Руссо? Почти во всех творениях его пера бушуют взволнованные, чаще всего смятенные чувства. Но чтобы правильно оценить характер творчества Руссо, должно быть принято во внимание еще одно существенное обстоятельство.

Жан-Жак Руссо жил и творил в век Просвещения. Его самого — и с должным основанием — считают одним из выдающихся представителей

⁴² М. Н. Розанов. Указ. соч., стр. 83—85.

⁴³ Ж.-Ж. Руссо. Избранные сочинения. Т. II, стр. 13.

⁴⁴ Там же, стр. 201.

французского Просвещения. Но ведь французское Просвещение в глазах современников, а затем и потомков представлялось прежде всего эпохой торжества разума. «Век Разума» и «Век Просвещения» — эти выражения, так часто встречавшиеся в литературе XVIII в., звучали почти как синонимы. Их значение было если не полностью тождественным, то, во всяком случае, очень близким.

Критика старого феодального мира, его институтов, его правовых и этических норм велась прежде всего с позиций разума. Начиная с Вольтера и кончая Дидро и энциклопедистами, все французские просветители вели идеологическую бомбардировку старого реакционного мира с позиций разума. Именно критика с позиций разума религиозных верований, церковных канонов, всех традиционно-иерархических установлений феодально-абсолютистского строя и была самым сильным оружием атакующих старый мир общественно-прогрессивных классов.

Всепобеждающий, могущественный разум озарял всю эпоху, предшествовавшую революции. Представителям третьего сословия он казался самой неотразимой, самой действенной силой борющегося за свое место под солнцем нового общества. Революция, которая должна была наступить, преобразовать мир и создать новый, справедливый строй, воспринималась современниками как торжество, как воплощение разума.

Руссо — и об этом надо сказать со всей определенностью во избежание неясностей — вовсе не был противником разума. Та решительная и гневная критика цивилизации, которая дана им в его первом произведении — «О влиянии наук на нравы», была критикой системы отношений, созданной господствовавшими в то время классами, уродств феодального общества. Его нелады, или, скажем точнее, его вражда с Вольтером (причем атакующей стороной был чаще всего последний), отнюдь не были порождены разногласиями в отношении к разуму. Конечно, и разум в понимании Руссо был чем-то иным по сравнению с трактовкой его Вольтером или Гольбахом. Руссо в среде просветителей всегда стоял несколько особняком: он был «сыном народа» не только по своему происхождению, он чувствовал себя связанным с народом и считал своим первым долгом защищать его интересы. И это сказывалось на истолковании им любого вопроса, ставившегося в порядок дня Просвещения. Но ведь Руссо был также и «энциклопедистом» — сотрудником, и притом деятельным, знаменитой «Энциклопедии» Дидро. И хотя он писал в «Энциклопедии» чаще по вопросам теории музыки, а не политики или философии⁴⁵ и среди «энциклопедистов» также занимал несколько особую позицию, в главных идейных схватках того времени, он, безусловно, шел вместе со своими товарищами и отстаивал общую для всех «энциклопедистов» идейно-политическую платформу.

Это следует оговорить для того, чтобы не создавалось упрощенно-схематизированного и неверного представления: Вольтер и «энциклопедисты» были приверженцами разума, Руссо — его противником. Нет, все было не так просто. Руссо, как и другие просветители, разделял веру в могущественную силу разума, прибегал к аргументам от разума. Достаточно здесь лишь напомнить его философско-политические трактаты: «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми», «Об общественном договоре», «Суждение о вечном мире», «Проект конституции для Корсики», «Соображения об образе правления в Польше» и др. И в этих произведениях вполне ощутима общая методология мышления «Века Просвещения».

Отличие Руссо от своих собратьев по лагерю просветительства заключалось в том, что автор «Новой Элоизы» дополнял доводы от разу-

⁴⁵ Из статей на социально-политические темы Руссо принадлежала лишь статья «Политическая экономия».

ма силою чувств. Руссо был не только писателем разума, но и писателем чувств. И в этом заключалась его сила.

Но какие чувства воодушевляют и волнуют героев романов Руссо? Что это — слезливая чувствительность? Беспочвенные вздыхания? Сонная рябь душевного мелководья? Напротив, это большие чувства — чувства гражданственности, любви к человечеству, к народу, к социальной справедливости, к добродетели.

Слово «добродетель» чаще всего встречается на страницах «Новой Элоизы» и других произведений Руссо. Но ведь добродетель — это условное этическое понятие, под которым скрываются вполне определенные политические категории. Пройдет несколько лет, и в дни якобинской диктатуры Робеспьер совершенно точно переведет это слово на политический язык: «Добродетель — это не что иное, как любовь к отечеству и его законам. И так как сущность республики или демократии — это равенство, то, следовательно, любовь к отечеству включает в себя любовь к равенству»⁴⁶. Так чувства Сен-Пре, героя «сентиментального романа» Руссо, переводились в точные политические формулы и превращались в революционные действия неотразимой силы учениками автора «Новой Элоизы».

Руссо обладал не только художественным талантом и тонкой восприимчивостью к голосу своего народа; он был наделен еще счастливым даром выражать в яркой и нередко афористической форме невысказанные и часто не осознанные еще до конца мысли миллионов угнетенных и обездоленных людей. «Человек рождается свободным, а между тем везде он в оковах»⁴⁷, — так начинал Руссо свой трактат «Об общественном договоре». И это так предельно просто высказанное недоумение раскрывало главное противоречие эпохи. В нескольких словах Руссо формулировал неодолимую многовековую тягу крестьянства к освобождению от феодального гнета.

Величие Руссо и его непреходящее значение в истории мировой культуры и общественного прогресса заключаются в том, что его произведения — и политические, и художественные, и философские — проникнуты великим духом гуманизма, любви к человеку, благородной решимостью бороться против социальной несправедливости, бескомпромиссным осуждением насилия, реакции, гнета. Более того, они проникнуты бунтарским, революционным духом; они оказывали революционизирующее влияние на умы и сердца.

Современный итальянский прогрессивный ученый Галвано делла Волпе в статье, выразительно озаглавленной «От «Речи о неравенстве» к «Государству и революции»», пишет «о прямом и глубоком родстве между руссоизмом и научным социализмом»⁴⁸. В этой слишком прямолинейно установленной генеалогии есть, как мне думается, несомненные элементы преувеличения. Но сама эта статья симптоматична.

Другой прогрессивный общественный деятель Запада, Пьер Абраам, поведал о легенде, согласно которой Фидель Кастро во все время своего легендарного похода против армии Батисты носил в кармане маленькую книжку — «Общественный договор» Жан-Жака Руссо⁴⁹.

Мы не знаем, правда это или вымысел. Но если даже этот рассказ не соответствует полностью или частично истине, то разве он все же не свидетельствует о том, что великий французский писатель далекого XVIII века, «апостол свободы и равенства», остается товарищем по оружию в великой справедливой освободительной борьбе нашего времени!

⁴⁶ M. Robespierre. Textes choisies. T. III. Paris. 1958, p. 114.

⁴⁷ J. J. Rousseau. Du contrat social, p. 54.

⁴⁸ «Europe», 1961, novembre—décembre, p. 188.

⁴⁹ Ibid., p. 6.